

ОТЗЫВ

официального оппонента Утехина Ильи Владимировича на диссертационную работу Сулеймановой Олеси Анатольевны «Семейные вещи в процессе переезда (на примере городских семей Кольского Севера)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07. – Этнография, этнология, антропология

Постановка вопроса, предложенная О.А.Сулеймановой в диссертации, отталкивается от вполне резонных соображений: Кольский полуостров (и, шире, советский Север) заселялся в XX веке за счет разных типов миграции – добровольной и принудительной. Это определяет специфику состава городского населения, которое в силу ряда обстоятельств, как указывает автор работы, было более мобильно, чем в других районах страны. Поэтому переезды представляют собой для северян и часть семейной истории, и часть повседневности. Идея увидеть семейную историю через историю набора вещей сама по себе весьма плодотворна. Ситуация переезда, вызывающая необходимость пересобрать быт заново на новом месте, оказывается удобным контекстом, чтобы обратиться к предметной среде повседневности. В этом смысле миграционные процессы, которые можно наблюдать сегодня, отличаются от миграций советского времени, в частности, тем, что современное постсоветское общество – это общество небывалого потребительского изобилия в сравнении с советским обществом. Поэтому ставшее возможным сегодня сопоставление нескольких пластов материала – миграции представителей поколения сталинского времени, миграции позднесоветские и миграции сегодняшние – представляет собой эффективный дизайн исследования. Таким образом, **актуальность исследования** определяется актуальностью этнографического изучения быта и жилища, в том числе обращения к группам, обладающим повышенной мобильностью. Сегодня необходимая для исследователя культурная дистанция по отношению к советскому обществу уже присутствует, но еще не является слишком большой.

Исследование О.А.Сулеймановой опирается на значительный объем работы, в том числе по сбору собственного полевого и архивного материала. **Новизна исследования и полученных результатов** связана с обращением к теме семейной памяти, увиденной через вещную среду жилища. Это нетривиальный и новый подход, особенно принимая во внимание заявленный фокус на переезде с одного места жительства на другое.

Следует признать обоснованными основные положения, выносимые на защиту, среди которых ведущее место занимают предложения по классификации предметного мира семейного быта. Выделение «семейных вещей» и среди них таких, которые выполняют коммеморативную функцию, а также прослеживание обращения с такими вещами в разных ситуациях, с упором на изменение статуса, опираются не просто на интересные наблюдения, а представляют собой самостоятельные концептуальные построения – собственно, основной научный результат работы.

Научная значимость результатов заключается в том вкладе, который привносят в этнографическое изучение материальной среды городского семейного быта предложенные положения и выводы работы, особенно в той части, которая касается классификации вещей. Практическая значимость определяется возможностью использовать материалы исследования в различных педагогических, музейных и краеведческих проектах, а также в дальнейшей исследовательской работе.

Структура работы отвечает замыслу и содержанию исследования. Первая глава представляет собой краткое изложение семиотически-ориентированных положений, на которые автор будет пытаться опереться в анализе материала. Эти положения были выведены на материале других культур, но имеют достаточно общий характер. Несмотря на особенное внимание автора к изменению статуса вещи, сам по себе семиотический подход в использованном несколько упрощенном варианте местами выглядит статичным, а понятие культурного капитала семьи, которое могло бы оказаться более полезным при более систематической опоре на представления, предложенные П.Бурдьё, остается не вполне раскрытым.

Вторая глава включает в себе интересные предложения по классификации предметов домашнего быта, которые отталкиваются не только от теоретических построений, но и от материалов интервью, то есть классификация сочетает в себе как эмные, так и этные аспекты. Высказанная здесь же идея о «семейном жизненном цикле», опосредованно связанном с разделением домохозяйства и, соответственно, переездом, заслуживает внимания.

Наибольший интерес в работе представляют главы 3 и 4, где содержится богатый материал, приводимый с опорой на широкий круг источников, в том числе и архивных, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Здесь приведены сведения, в совокупности составляющие картину формирования и городского населения Кольского Севера, и его быта – в аспекте предметной среды. Богатая идея о связи семейной памяти и хранимых в семье вещей реализована в тех разделах третьей и четвертой

глав, где в отрывках из интервью прослеживаются результаты применения биографического метода. Следует отметить, что даже по отношению к изучаемым группам тема семейной истории и ее отражения в семейной памяти не исчерпана, потому что сама по себе семейная память – чрезвычайно богатый материал, и специфика исторической памяти советского народа и отдельных групп советских людей, вероятно, не могла быть вполне раскрыта в исследовании, сфокусированном исключительно на мобильности и предметной среде быта. Заметим также, что родство примененного биографического метода с методикой кейс-стади несколько преувеличено, что видно уже хотя бы из обширного круга информантов: в диссертационной работе было бы невозможно рассмотреть четыре десятка случаев с достаточной степенью подробности.

Отдельные утверждения, формулировки, содержащиеся в тексте диссертации, а также конкретные интерпретации носят дискуссионный характер и, по-видимому, могут быть оспорены. Приведу некоторые из сомнений и вопросов, которые требуют обсуждения в жанре научной дискуссии.

1. В качестве методологической базы исследования был выбран семиотический подход, доказавший свою эффективность в классических работах, посвященных традиционной культуре славян. Требовала бы обоснования применимость такого подхода к совсем другому типу общества: советская и современная постсоветская городская культура на типологической шкале весьма далеко отстоят от условной крестьянской культуры восточных славян, даже если учесть, что родственники по восходящей у части информантов приехали из деревни. Такого обоснования мы в работе не находим. Например, разделы 1.2.2 «Вещь в пространстве дороги» и 1.2.3. «Перемещение вещей в переходных обрядах» сообщают нам сведения из этнографических работ о погребальных обрядах. Перемещение в пространстве – то небольшое, что роднит исследуемые автором практики с погребальным обрядом. Указание на то, что при переезде на новое место жительства соблюдаются некоторые элементы традиционного обряда (какого?), остается в работе нераскрытым. Когда на с.133 мы встречаем утверждение о том, что тому факту, что забирают не все вещи при переезде из одного жилища в другое, имеется ритуальная параллель в виде перераспределения «доли» в обрядах жизненного цикла, хочется узнать, в чем же здесь параллельность и что эта «параллель» объясняет в современных переездах. То есть иногда обещано больше, чем читатель получает.

Когда читаешь, например, утверждение «Каждая эпоха характеризуется определенными практиками оформления жилого пространства» (с.125), сразу начинаешь ждать рассказа о таких практиках, принадлежащих разным эпохам, а речь дальше идет просто о том, что разный набор вещей (в частности, бытовой техники) в советское время и сегодня.

2. Наряду с работами по традиционной культуре, О.А.Сулейманова опирается на Ж.Бодрийара и еще целый ряд авторов, в частности, занимавшихся проблемами социальной памяти. Однако создается впечатление, что целый ряд актуальных методологических тенденций в социальных науках – таких как «прагматический поворот», «поворот к практике», «поворот к материальности», «перформативный поворот» – либо обошли автора стороной, не отразившись ни в терминологии, ни в способе рассуждения, либо сознательно оставлены в стороне. В последнем случае было бы полезно обосновать этот выбор и определить место своих методов в актуальном дисциплинарном поле. Глядя на представленную работу глазами рецензента какого-нибудь международного журнала, где могли бы с интересом отнестись к заявленной автором постановке вопроса о народном дизайне и его связи с семейной памятью (например, журнал *Home Cultures*), я бы отметил трудности, которые ожидали бы автора на пути к публикации: чтобы сделать свои результаты понятными и конвертируемыми для сегодняшней международной научной аудитории, скорее всего, пришлось бы выбрать иной концептуальный аппарат для анализа материала.
3. В нескольких местах работы повторяются рассуждения о семиотическом статусе вещей, которые оставляют читателя в сомнениях относительно того, что автор имеет в виду: меняется ли статус в зависимости от того, что делают с вещью, или то, как с вещью обращаются, зависит от ее статуса? И то, и другое справедливо: у вещи как таковой, в отрыве от практик ее использования, нет семиотического статуса, он только этими практиками и определяется. Если бы речь шла о ритуальных обстоятельствах смены статуса, семиотически-ориентированная статическая концептуализация была бы более оправданна, а тут ведь речь, собственно, идет о том, что предмет, который в прежнем доме стоял на почетном месте в серванте, оказался после переезда, например, в кладовке. Правильно ли сказать, что произошла «пересемантизация» этого предмета? Вообще, отсутствие объяснений того, как автор понимает семантику вещи (утверждения

вроде «Функция отражает внешнее проявление свойств вещи, а смысл – внутреннее содержание» (с.61) - не в счет), несколько затрудняет задачу читателя и рецензента. Опора на сомнительные рассуждения А.С.Кучумовой о том, что положение в пространстве якобы является «семантическим признаком вещи», проблематична и в теоретическом, и в этнографическом плане: в кочевом быту переезжающего, где я поставлю кипятильник, там и будет моя кухня, где брошу подушку – спальня, а где положу паспорт, кошелек и смартфон – окажется мой красный угол.

4. Некоторые яркие утверждения О.А.Сулеймановой о вещах представляют собой красивые метафоры, которые встречались у других авторов (вещь обладает памятью, вещь проживает социальную жизнь и имеет свою биографию), которые хорошо выглядят в культурологических эссе, но в антропологическом тексте могут затмевать тот факт, что смыслы вещам приписывают конкретные люди в конкретных обстоятельствах. Мы ведь исследуем группы людей и их практики и представления, это стоит четко осознавать. Собственно, «пересемантизация» вещей (не вполне удачный термин) при переезде происходит в случае разделения семейного домохозяйства как раз потому, что в новом домохозяйстве уже другие люди – другое поколение – оказываются источником интерпретации и оценки.
5. Подразделяя вещи на три условные группы – бытовые, декоративные и мемориальные, – автор отдает себе отчет в условности выделения этих групп и указывает, что бытовой характер вещи не исключает, например, декоративности. Было бы правильнее понимать эти категории не как группы, а как измерения в многомерном пространстве, где в глазах тех или иных пользователей или групп пользователей каждая вещь получает определенное значение на каждой из этих трех шкал и, возможно, на каких-то еще шкалах. Однако на с. 110 старые вещи и безделушки оказываются в одной категории «захламляющих»; читатель не может уяснить себе, это авторский пересказ высказываний информантов – и тогда это возможно, либо же аналитическое высказывание исследователя – и тогда это неприемлемо, потому что безделушки и их функционирование – это отдельная важная тема, лишь отчасти затронутая в работе. Последовательное различение суждений информантов и суждений исследователя было бы полезно, этный и эмный подход не следует смешивать.
6. Постановка вопроса о том, куда ставят ценные вещи и что с ними делают в процессе переезда и после него разные группы населения на

Севере, любопытна, но это было бы достаточно для статьи, а не диссертации, потому что, вообще говоря, непонятно: зачем нам все это знать? Что и о чем мы узнаём помимо собственно подробностей этого народного дизайна, который интересно посмотреть на фотографиях и убедиться, что все это нам, в общем-то хорошо знакомо. Многие утверждения граничат с банальностью, ср. «Для того чтобы начать обустраиваться на новом месте жительства, надо сначала покинуть старое жилье, перевезти свои вещи, пережить связанные с этим трудности» (с.39), или «Проблема упаковки чаще всего возникает, когда 1) вещей достаточно много, 2) они громоздкие и тяжелые, 3) ценные и хрупкие. Приходится искать подходящую тару...» и т.д. (с.82-83). Таких пассажей довольно много, и тут трудно что-то возразить, хотя и неясно, пересказываются ли здесь слова информанта или так автор формулирует собственную жизненную мудрость. Но до тех пор, пока объяснением наблюдаемых явлений остается здравый смысл (который, как известно из К.Гирца, представляет собой культурную систему), приводимая этнография нам мало что объясняет. Автору местами не хватает эксплицитной попытки увидеть обращение с определенными разрядами вещей как своеобразный магический кристалл, в котором мы увидим что-то неочевидное о постсоветском человеке Кольского Севера, и этот кристалл должен дать нам что-то еще, кроме информации о собственно обращении с памятными вещами. Вот, например, в первой главе работы автор утверждает, что переезд это всегда некий кризис. Осмелюсь предположить, что это мнение туземца, а не антрополога; для антрополога такая концептуализация не разумеется сама собой, а выдает некую точку отсчета, характерную для неочевого человека.

7. Как указывалось выше, классификация вещей в домохозяйстве и положение о том, что существуют «семейные вещи», небольшим подмножеством которых оказываются семейные реликвии, относится к наиболее сильным и интересным сторонам работы. Однако эти наблюдения оказались бы более антропологичны, если бы автор использовал представления о нуклеарной семье, расширенной семье, их связи с домохозяйством и др. Эти категории не используются в работе, и местами семья понимается в каком-то скорее бытовом, самопонятном смысле. А ведь это не семья вообще, как некая общечеловеческая данность, а культурно- и исторически-конкретная форма семьи – у русских? У советского человека – «новой исторической общности»? Кстати сказать, в списке информантов

указывается, откуда они или их предки приехали, но не указана их этническая принадлежность; значит ли это, что все они считают себя русскими? И возникает вопрос: описываемые в работе явления – переоборудование дома новыми вещами при переезде на новое место, новые и иные, чем в родительском доме, вещи в жилище детей, свои реликвии у каждого поколения семьи – насколько всё это универсально? Есть ли тут какая-то общекольская специфика? Если бы мы взяли другой уголок бывшего Советского Союза, отличалась бы ситуация? И сводится ли разница между потомками спецпереселенцев, добровольными мигрантами и недавними мигрантами из конфликтных зон постсоветского пространства к разным наборам вещей «на входе» семейной истории на Кольской земле – или есть и еще что-то? Что-то, что не определяется принуждением обстоятельств (так, у раскулаченных отбирали всё имущество, а у переселенцев из Узбекистана, попавших на север, не было теплой одежды и шапок, но это не культурные особенности этих групп – иначе одни так и не нажили бы никакого имущества на Севере, а другие так и ходили бы без шапок).

8. Отдельные утверждения автора представляют собой заявления, которым читателю предлагается поверить как чему-то общеизвестному, они не только не являются выводами, но и не проиллюстрированы материалом. Например, «Для молодежи как представителей «общества постмодерна» характерна частая смена вещей, например, потому что они вышли из моды» (с.52). Это похоже на правду, но этнограф обязан показать, что заставляет его сделать такой вывод.
9. Многие интересные наблюдения, встречающиеся в работе, высказаны походя и никак не развиты, хотя представляют собой данные ничуть не менее важные, чем то, что оказывается в фокусе авторского повествования. Так, в цитате из интервью на с. 54 заходит речь о коллекционировании. Этой теме, безусловно значимой в контексте разговора о вещах, имеющих символическую ценность, посвящено лишь одно предложение, где страсть к коллекционированию отнесена к склонностям «отдельных личностей». Это, может быть, так и есть, но заодно коллекционирование это еще и социальный факт. Оно еще раз упоминается на с. 105 и предается забвению. Между тем, самые этнографически и художественно убедительные инсталляции, представляющие мир бытовых отношений советского человека, имитируют как раз коллекции человека, который ничего не выбрасывал

и составлял свой в буквальном смысле «предметный фонд» (таковы работы художника-концептуалиста Ильи Кабакова). Или вот на с.55 говорится, что молодое поколение начинает собирать некий фонд семейной памяти «из-за «беспамятности» родительского поколения». Это было бы чрезвычайно любопытно – показать эту беспамятность советского человека через отношение к вещам, этого, кажется, никто пока не сделал. Уж во всяком случае сама эта беспамятность достойна комментария – это не что-то, что само собой разумеется, а важный результат.

10. Хотелось бы подробнее узнать о том, как проходили интервью. Ставился ли, например, прямой вопрос информантам «Какие у вас есть семейные реликвии?» Или же интервьюер так проводил разговор, что не навязывал своим словоупотреблением категории, а дожидался, что люди сами обозначат соответствующие предметы? Как была устроена процедура анализа данных многих интервью и наблюдений, а также визуальных материалов. Отдельные методологические замечания вызывают вопросы: «По понятным причинам меньше всего среди информантов была представлена группа спецпереселенцев. Многих уже нет в живых, а родственники не всегда хотят разговаривать на эту тему» (с.68). Кому понятны эти причины? Значит ли это, что мы разговариваем с информантами только о том, о чем они сразу соглашаются нам рассказать? Спецпереселенцы - важная для этого исследования группа, и если ставится задача работать с ее представителями, то доступ к данным такого рода представляет собой чисто технический вопрос. Его решение требует чуть больших усилий, но вовсе не является чем-то непосильным.
11. В ходе анализа исследователь порой, как кажется, принимает слова информантов за чистую монету, хотя там имеет место клишированная риторика. Из слов информанта «Для меня переезд всегда – это катастрофа!» не следовало бы делать вывод, что переезд действительно воспринимается как шок или трагедия. Это гипербола, способ выразиться, который никем и в жизни не трактуется как буквальное высказывание. Ведь если кто-то скажет «Я умираю от голода», его поведут в столовую, а не в морг.
12. На с.106 приведена цитата из информанта: «*Реликвий, к сожалению, в нашей семье не сохранилось, так как мой дедушка был военным и часто приходилось переезжать с места на место*». Отсутствие какого-либо комментария вызывает подозрение, что исследователь разделяет эту удивительную логику информанта, согласно которой у

военных не сохраняются семейные реликвии. У всех остальных героев повествования они сохраняются, несмотря на переезды; почему же тогда семьи военных, которых так много на Кольском Севере, не стали отдельной группой со своими обычаями обращения с вещами? Им, кстати, командование выделяет контейнеры, так что перевозка вещей не должна быть для них столь травматичной, как для других категорий информантов.

Указанные выше вопросы, сомнения и замечания формулируются здесь в порядке научной дискуссии и не снижают общей высокой оценки работы.

Ее научная достоверность, подтвержденная соответствующей апробацией и достаточным количеством публикаций, не вызывает сомнений. Правомерность положений, выносимых на защиту, доказана в ходе исследования и подтверждается его результатами.

Автореферат диссертации О.А.Сулеймановой достаточно полно отражает содержание работы.

Актуальность темы, оригинальность материала и представленных к защите положений, степень их обоснованности, основательность проведенного анализа и убедительность полученных выводов позволяют оценить представленное научное сочинение Олеси Анатольевны Сулеймановой «Семейные вещи в процессе переезда (на примере городских семей Кольского Севера)» как самостоятельное и глубокое исследование, соответствующее требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, изложенным в «Положении о порядке присуждения научных степеней», (в редакции Постановления Правительства РФ от 21.04.2016г. №335) (пункты 9-10).

Олеся Анатольевна Сулейманова заслуживает присуждения ей ученой степени кандидата исторических наук – специальность 07.00.07. – Этнография, этнология, антропология.

Официальный оппонент

к.и.н., профессор факультета антропологии
АНООВО «ЕУСПб»,

г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3а,
Тел.: +7 (812) 386-7637

E-mail: ilya.utekhin@gmail.com

Илья Владимирович Утехин

Подпись Утехина
Нач. отд. кадров
08.12.2016г.

Подпись
Васильева А.Н.